

Шевляков Михаил Викторович

**Драматические сочинения М.В.
Шевлякова. Для театра**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
М69

М69 **Михаил Викторович Ш.**
Драматические сочинения М.В. Шевлякова. Для театра / Шевляков Михаил Викторович –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 230 с.

ISBN 978-5-521-30849-1

Содержание: Идейная деревня; День из жизни покойника; Балерина; Ниобея; При закрытых дверях; Нервы; На ходу; Сердце

ISBN 978-5-521-30849-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ИДЕЙНАЯ ДЕРЕВНЯ.

Шуточные сцены въ 3-хъ дѣйствіяхъ.

дѣйствующие лица:

Дорогинъ, Василій Игнатьевичъ.

Скоровъ, Петръ Федоровичъ. присяжный повѣренный.

Бурицынъ, Павелъ Ивановичъ. докторъ.

Вавилонскій, Гавріилъ Никаноровичъ. провинціальный актеръ.
трагикъ.

Настасья, зажиточная крестьянка.

Паша, ея дочь.

Мужиченко.

Митька, } Молодые парни. прислуживающіе въ домѣ Дорогина.
Пронька, }

1-й, }
2-й, } Крестьяне.
3-й, }

Дѣйствіе 1-е.

Просторная деревенская изба. Обстановка обыкновенная: столъ, скамейки, табуретки. Большая русская печь. Палати. Въ одномъ изъ угловъ ситцевая занавѣска, прикрывающая кровать.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Митька и Пронька (*Пьютъ чай*).

Мит. Хорошее для насъ житье настало, Пронька...

Прон. На что лучше!

Мит. Ышь и пей въ полное удовольствіе, хоть цѣлый день...
Работать совсѣмъ не нужно, потому что сами господа за тебя все сдѣлають.

Прон. Что говорить — вольготно!

Мит. Чудные нынче люди пошли... Ужаси сколько этой самой глупости въ нихъ!

Прон. Имъ энто можно: они при капиталахъ... Нашему брату безпремѣнно вразумительность требуется, а имъ на это плевать!

Мит. Оно точно! Возьмемъ къ примѣру нашихъ господъ... Господа какъ господа, всему обучены, всякія науки знаютъ, а вотъ поди-жъ ты — понравилось землю пахать, да траву косить!

Прон. Н-да! карахтеру своему пограбляють...

Мит. Хе-хе! Мы теперя вродѣ какъ замѣсто господъ, а они вродѣ какъ замѣсто батраковъ...

Прон. Можетъ это для здоровья... Сказываютъ, что это самое отъ какой-то хитрой болѣсти пособляетъ...

· Я В Л Е Н І Е 2-е.

Тѣ-же и мужиченко.

Муж. Пособнички дома?

Мит. На пашнѣ... Тебѣ чего?

Муж. У телѣги задокъ сокрушился.

Прон. Ну, такъ намъ-то какое дѣло?

Муж. Може господа поправить придуть?

Прон. Что за ты! А самъ-то чего дѣлать станешь? На печи растянешся или въ кабакъ пойдешь, а за тебя господа работай!

Муж. Оно точно. Живымъ манеромъ я самъ могу справить бѣду, а зашелъ все-жъ таки для уваженья, потому самому, что они, т. е. господа наши, очень любятъ разныя помощи оказывать... Такъ, примѣрно, я пришелъ, чтобъ не осерчали...

Мит. Очень нужно имъ на тебя серчать! Экое кушанье выискался.

Муж. Чего ты лаешься-то? Становой ты, что-ли? Али писарь какой ни-на-есть?.. Я къ тебѣ какъ слѣдуетъ, а ты меня

„кушаньем“. Нешто можно православнаго человѣка такъ забивать? Что я тебѣ такого сдѣлалъ? „Кушанье!“ Съ кихъ это поръ я кушаньемъ сталъ?

Мит. Чего прилипъ-то?! Ну ты въ болото!

Муж. Я, можно сказать, пришелъ удовольствіе сдѣлать твоимъ господамъ — какой ни на есть починки дать, а ты меня „кушанье!“

Мит. Хорошее удовольствіе!

Муж. И даже очень хорошее! Они это ужасти какъ любить!.. Вонъ Давило Гавриловъ завсегда нарочно — то заборъ свалить, то плетень погнуть, то овня спортишь, да потомъ господъ на подмогу и кличешь... Тѣ ему все заново справляютъ и даже благодарность оказываютъ... А ты меня „кушанье“ Какое такое я для тебя кушанье, дозволю спросить?

Я В Л Е Н І Е 3-е.

Тѣ-же и Паша (*въ окнѣ*).

Паша. Павла Ивановичъ пришелъ?

Мит. А зачѣмъ такимъ тебѣ, востроглазая, Павла Ивановича запонадобилось?

Паша. Опять зубы болятъ.

Мит. Опять? плохо-жъ онъ тебѣ ихъ заговариваетъ. Кажинный день ходишь, а все болятъ.

Паша. И вовсе не кажинный! Съ третева дня не была...

Мит. Врешь! Вчера у околицы съ нимъ калякала.

Паша. Вчера про другое! Вчера глазъ болѣлъ... Да ну тебя! Чего лѣзешь! Вотъ насажу господамъ, такъ уймуть тебя озорника. (*Скрывается*).

Мит. Вѣдь вотъ поди-жъ ты! Здоровенная дѣвка была, а какъ только господа проявились — разомъ хворъ напала...

Муж. Сглазили!

Мит. Нѣтъ, сама она сглазилась.

Я В Л Е Н І Е 4-е.

Тѣ-же, Дорогинѣ и Скоровѣ (*въ лаптяхъ, пестрядинныхъ рубахахъ, но съ городской прической, а Скоровъ даже въ пенснѣ*).

Дорог. (*къ мужику*). А, другъ сердечный! Что скажешь?

Муж. Да я къ вашей милости...

Дорог. Э, братецъ! Сколько ужъ разъ я тебѣ говорилъ, чтобъ ты насъ не отличалъ отъ своихъ односельчанъ! Что мы за „вапа милость?“ Мы такіе-же работники, такіе-же мужики, какъ и ты. Поэтому разговаривай съ нами такъ же просто, какъ разговариваешь со всѣми, съ Петромъ, Иваномъ, Сидоромъ, Николаемъ...

Муж. Да нешто можно разговаривать съ вами такъ же... Промежъ насъ и разговоровъ-то настоящихъ нѣту... Такъ брань одна, али ругательства разныя...

Дорог. Ай-ай-ай! Какъ это нехорошо! Надо жить въ ладу, въ дружбѣ... Изъ за чего-жъ вы ссоритесь?

Муж. Мы не ссоримся! Мы безо всякой ссоры ругаемся... Такъ ужъ съ измальства привыкли...

Дорог. Отъ дурныхъ привычекъ слѣдуетъ отставать!

Муж. Нельзя! Ругань у насъ замѣсто удовольствія идетъ...

Дорог. Темный вы народъ, вотъ что! Ужъ ежели собственнымъ разумѣніемъ не можете уяснить мракъ, окутывающій васъ, такъ хоть, по крайней мѣрѣ, брали-бы хорошіе примѣры съ другихъ...

Муж. Да не съ кого, батюшка.

Дорог. Какъ не съ кого? А съ насъ?

Муж. Оно точно, но только не сподручно...

Дорог. Будетъ сподручно, погоди! Пообживетесь съ нами — исправитесь!.. А теперь тебѣ что нужно?

Муж. Задокъ у телѣги сокрушился...

Дорог. Исправить надо?

Муж. Конечное дѣло, не такъ же ему оставаться...

Дорог. Хорошо, послѣ обѣда придемъ...

Муж. Такъ-съ!.. Значить самому не приниматься?

Дорог. Нѣтъ, нѣтъ!.. Мы тебѣ поможемъ... Придемъ, непременно придемъ...

Муж. (*Митякъ*). Ну, что взять?!.. Слышалъ, какъ господа-то па починку набиваются. А ты, „кушанье!“ Вотъ тебѣ и „кушанье!“ Прощенья просимъ! (*Уходитъ*).

Скор. А обѣдъ готовъ?

Мит. Щи упарились...

Скор. Щи? и опять сегодня щи! Да что-жъ это такое? Вчера — щи, третьяго дня — щи, сегодня — щи, и завтра, должно быть — щи?

Мит. Безпремѣнно, потому что тетка Маланья, окромя щей да каши, ничего другого-прочаго дѣлать не умѣетъ...

Скор. Это ужасно! Отъ этихъ щей, кажется, скоро на стѣну полѣзешь...

Дорог. Ты забываешь нашъ основной принципъ: смиреніе.

Скор. Чего ты понукаешь меня принципами, — ты мнѣ супу для разнообразія дай...

Дорог. Ахъ, братецъ... *devant des domestiques!*.. (*Митякъ и Проникъ*). Тащите обѣдъ!

Мит. А всеже я такъ понимаю, что лучше-бъ стряпуху-то намъ тутъ содержать, чѣмъ, примѣрно, бѣгать къ ней кажинный день за щами...

Дорог. Въ нашемъ домѣ женщинъ не должно быть...

Скор. Да и вонь отъ печки такая проявится, что подохнешь ни за понюшку табаку...

Мит. Да нешто тетка Маланья женщина? Она, къ примѣру сказать, такъ вродѣ старушки... Отъ старости еле духъ переводитъ...

Дорог. Все равно — женщина! Женщина-же, даже престарѣлаго возраста, — соблазнъ...

Прон. Удивительно!

Скор. Ну, время-ли для собесѣдованія?! Жрать какъ волку хочется, а они объ искушеніи разсуждаютъ!.. Подавай хоть шей-то! (*Митька и Пронька уходятъ*).

Дорог. Я тебя не узнаю!

Скор. И я самъ себя не узнаю! Эти полевые работы, я чувствую, разстраиваютъ мои нервы...

Дорог. Это съ непривычки! Обтерпись, войдешь въ колею и превосходно себя почувствуешь. Цѣль, для которой мы пришли въ деревню, такъ многозначительна и увлекательна, что, право, ради нея можно поступиться своими дурными привычками, своею распущенностью, — этою паносною бѣдою большого порочнаго города... Никогда не переставай памятовать, что мы просвѣтителіи по убѣжденію... Мы пришли сюда совершенствовать землю, поучать массу, какъ надо пользоваться универсальными изобрѣтеніями въ сферѣ сельскохозяйственныхъ орудій и инструментовъ. Мы пришли работать и вмѣстѣ съ тѣмъ своею жизнью, своимъ воздержаніемъ, своимъ умѣньемъ подавлять страсти и стремленія — служить примѣромъ для тѣхъ, которые не въ состояніи самостоятельно анализировать свои пороки и заблужденія. Короче сказать, мы пришли ихъ спасать отъ кабака, отъ пагубнаго вліянія міроѣда, пришли бороться съ силой чумазыхъ...

Скор. То есть довѣ-кихотствовать?..

Дорог. Какъ тебѣ не стыдно выражаться такимъ образомъ?! Неужели наша городская дѣятельность была лучше нашей деревенской дѣятельности?! Что ты былъ? Помощникъ присяжнаго повѣреннаго и притомъ безъ практики.

Скор. Да ужъ если-бъ у меня была кліентура, ни за какія блага міра не опростился-бы!

Дорог. А между тѣмъ это твое призваніе. Натолкнувъ тебя на настоящую дорогу, я очень радъ, что далъ деревнѣ такого умнаго и полезнаго работника... Ты умѣешь хорошо говорить

и, конечно, хорошо комбинируешь факты, а это очень важно, такъ какъ путемъ убѣжденія можно достигнуть многого. И мнѣ обидно, что ты отказываешься отъ устройства праздничныхъ бесѣдъ. Повѣрь, въ сердцахъ слушателей ты заслужишь большую благодарность!

Скор. О чемъ я стану бесѣдовать? Кромѣ какъ о гражданскомъ судопроизводствѣ и уголовномъ положеніи, я, кажется, ни о чемъ больше не умѣю говорить.

Дорог. И превосходно! Развивай принципы нравственности на почвѣ гражданского судопроизводства... Что это? Что у тебя въ рукѣ?

Скор. Носовой платокъ.

Дорог. Это роскошь... Въ нашемъ положеніи она нестерпима. Уничтожь этотъ платокъ!

Скор. Но, право, не умѣю обходиться безъ него.

Дорог. Не слѣдуетъ отступать ни на шагъ отъ начертанной программы, сегодня я вижу у тебя платокъ, завтра увижу на тебѣ крахмальную сорочку, а послѣ завтра ты станешь курить папиросы!

Скор. То-есть какъ это станешь курить? Я и теперь курю...

Дорог. Не куришь, а отвыкаешь... тихонько отъ толпы на задворкахъ затягиваешься...

Скор. А не все-ли это равно?

Дорог. Конечно, не все равно. Я увѣренъ, что въ концѣ концовъ благоразуміе одержитъ верхъ надъ страстью и ты бросишь эту глупую, бесполезную и безусловно вредную для здоровья забаву.

Скор. Правда, ароматъ задворокъ отравляетъ пріятность куренія, однако не поручусь, что когда-нибудь отвыкну отъ того, что служить потребностью моей натуры.

Дорог. О, ужасъ! Безцѣльное занятіе, сопряженное съ безцѣльнымъ же расходомъ здоровья и денегъ — потребность

твоей натуры! Стыдись! Что говоришь ты?! Хорошо еще, что насъ никто не слышитъ...

Скор. По моему, первое правило опростѣнія должно состоятъ изъ слѣдующаго: не насилуй своей природы!.. Плохо то опростѣніе, которое изобилуетъ всяческими стѣсненіями и лишеніями, не позволяющими свободно дышать, свободно мыслить, свободно наслаждаться тѣмъ, что создано именно для того, чтобъ имъ наслаждались. Что это за опростѣніе, когда ходишь съ оглядкой, притворяешься чуть-ли не святымъ, говоришь шепотомъ и систематически умерщвляешь въ себѣ человѣка, въ основаніе котораго положено въ равныхъ частяхъ добра и зла... Раскаяніе пѣчто весьма хорошее и строго опредѣленное, но прежде чѣмъ человѣкъ приступитъ къ раскаянію, онъ долженъ нагрѣшить. Одно безъ другого немыслимо. Непременно долженъ погрѣшить, иначе раскаяніе останется безъ значенія и потеряетъ всю свою обаятельность, въ особенности для такихъ, какъ ты.

Дорог. (*вставъ на колѣни*). Молчи! Умоляю тебя—молчи! Не возмущай души... Это все твои нервы!

Скор. Не нервы, а щи!

Дорог. Я отказываюсь тебя понимать! Шутка это или серьезный протестъ? Но какъ-бы то ни было, а твои претензіи неосновательны. Согласись, что нельзя же намъ, добровольно промѣнявшихъ столичную суету на тишь родныхъ полей,—обзаводиться въ деревнѣ французской кухней. Это было-бы издѣвательствомъ надъ руководящими идеями!

Скор. Иден — идеями, а жратва — жратвой! При каттарѣ очень-то успѣшное развитіе идей происходитъ. Ты полагаешь, что умъ въ головѣ? Фю-ю! Это отжившее понятіе. Умъ въ желудкѣ! Я, напрямѣръ, только тогда и спокоенъ, и уменъ, когда сытъ...

Дорог. Прости меня, но далѣе поддерживать спора я не могу... Это не въ моихъ правилахъ. (*Уходитъ въ боковыя двери*).

Я В Л Е Н І Е 5-е.

Сноровъ одинъ, потомъ Паша.

Снор. Я хочу быть сытымъ — онъ называетъ это зломъ. За-манилъ онъ меня въ деревенскую глушь и держитъ въ проголодь. Ему то хорошо — онъ идеалистъ убѣжденный, а я только убѣждающійся...

Паша. *(Показываясь въ дверяхъ).* Мнѣ бы лекаря...

Снор. Сейчасъ явится... А пока не угодно-ли пожаловаться на отсутствующія болѣзни его ассистенту...

Паша. Вы завсегда такъ по непонятному говорите...

Снор. Извольте, будемъ говорить по просту: чѣмъ вы страдаете?

Паша. Ужаси какъ зубы болятъ...

Снор. Обворожительная сильфида, позвольте усомниться?.. Такіе хорошенькіе зубки, вправленные въ такой хорошенькій ротикъ и прикрытые такими хорошенькими губками, никогда не могутъ болѣть. Это игра молодого воображенія.

Паша. Вы только однѣ надсмѣшки и умѣете говорить! Недаромъ Павла Ивановичъ велѣлъ васъ оберегаться...

Снор. Вы ему не вѣрьте! Его разсудительность омрачена преступною ревностью... Признайтесь, вѣдь вы съ нимъ совѣтуетесь не о болѣзняхъ? Нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ, съ такимъ молодымъ, красивымъ докторомъ разговаривать объ излеченіи здоровыхъ зубовъ? Не правда-ли, вѣдь у васъ зубы не болятъ? Я по глазамъ вижу, что не болятъ...

Паша. По глазамъ?! Какъ же это такъ по глазамъ, вѣдь зубы то у меня во рту?

Снор. Ого! Вы хитрющая дѣвица, но и я тоже хитрый! Меня не проведешь!.. Я уже давно замѣчаю: вы симпатизируете доктору, докторъ симпатизируетъ вамъ и въ общемъ — единственная паціентка единственнаго тутъ доктора сдѣлается героиней такого романа, который, быть можетъ, не обойдется безъ участія присяжнаго повѣреннаго.

Паша. Глупости!

Снор. Конечно, глупости, но очень занимательныя глупости. Во всякомъ случаѣ я бы хотѣлъ быть на мѣстѣ счастливаго Павла Ивановича... А что если-бы я былъ докторомъ, стали-бы вы у меня лечиться?

Паша. Понятно, стала-бы, ежели-бъ болѣла.

Снор. Ну, а если-бъ не болѣли?

Паша. Такъ тогда зачѣмъ?

Снор. А зачѣмъ-же, зачѣмъ, будучи совершенно здоровой, лечитесь у Павла Ивановича?

Паша. Какъ-же это здорова я? А зубы-то?

Снор. Зубы въ расчетъ не принимаются! Ихъ не только присяжный повѣренный, но и всякій другой сумѣетъ заговорить. У старыхъ и безобразныхъ они, правда, трудно поддаются леченію, а у такихъ молоденькихъ и хорошенькихъ сами заживаютъ... Ну, такъ какъ-же? А?

Паша. Вы это на счетъ чего?

Снор. Стали-бы лечиться?

Паша. Я ужъ сказала...

Снор. Не то... не отъ болѣзни лечиться, а такъ... по дружбѣ... по собственной охотѣ...

Паша (*потупясь*). Можетъ и стала бы... У меня зубы часто болятъ...

Снор. Пусть всегда болятъ!.. Я буду ихъ лечить. Я умѣю... (*Взявъ ее за талию*). Экая ты дуся!..

Я В Л Е Н І Е 6-е.

Тѣ-же и Дорогинь.

Дорог. (*быстро вошелъ, но, увидя Скорова съ Пашей, отвернулся*). Гм... Гм...

Снор. (*отойдя отъ Паши*). Ты спрашиваешь можно-ли деревенской дѣвушкѣ носить корсетъ? Нѣтъ... нельзя... Онъ вреденъ...